

По поводу статьи А. Н. Витмера „К. В. Левицкий“¹⁾.

А. Н. Витмеръ въ своихъ воспоминаніяхъ о К. В. Левицкомъ (февральскій №, стр. 360—362) говоритъ, что Гурко былъ обязанъ ему своимъ возвышеніемъ: что „благодаря Левицкому“, онъ „получилъ начальство надъ нашимъ рейдомъ за Балканы, а вскорѣ надъ гвардейскимъ корпусомъ и кончилъ кампанію, какъ командующій арміей“.

Я считаю долгомъ рѣшительно опровергнуть это. Гурко настолько выдѣлялся изъ ряда, какъ командиръ л.-гв. конно-гренадерскаго полка, что покойный Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій выдвинулъ его прямо въ начальники 2-й Гвард. кав. дивизіи. Это было по крайней мѣрѣ за годъ до объявленія мобилизаціи, т. е. за два года до начала войны.

Левицкий отъ него же принялъ л.-гв. конно-гренадерскій полкъ, но ненадолго, ибо весной 1876 г. былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба войскъ гвардіи и Пет. в. о., а осенью того же года—помощникомъ начальника штаба дѣйствующей арміи.

Великій Князь Николай Николаевичъ, задумавъ первый забалканскій походъ, избралъ Гурко начальникомъ передового отряда самъ и лично испросилъ Высочайшее соизволеніе на вызовъ его въ армію. Великій Князь слишкомъ высоко цѣнилъ Гурко, чтобъ нуждаться въ подсказкѣ Левицкаго.

¹⁾ Эта статья препровождена при письмѣ на имя редактора.

Ред.

Своимъ дальнѣйшимъ возвышеніемъ Гурко обязанъ исключительно самому себѣ: такъ блистательно онъ заявилъ себя въ первомъ забалканскомъ походѣ.

А. Н. Витмеръ ошибается также, говоря, что „выдвигая Гурко (?!), Левицкій совсѣмъ оставлялъ въ тѣни Скобелева“.

Левицкій тутъ совершенно ни при чемъ. Скобелевъ былъ въ опалѣ у Государя (за что — не знаю) и только этимъ и объясняется, что ему до переправы не давали никакого назначенія. Какъ свиты Его Величества генераль, онъ долженъ былъ бы находиться въ составѣ Императорской Главной квартиры, но графъ Адлербергъ не счелъ возможнымъ испросить на это Высочайшее соизволеніе, хотя самъ очень къ нему благоволилъ и состоялъ съ нимъ въ близкомъ родствѣ¹⁾.

Великій Князь главнокомандующій, въ виду отсутствія генеральскихъ вакансій въ арміи, взялъ Скобелева въ свое распоряженіе и назначилъ состоять при Кавказской казачьей бригадѣ, которою командовалъ его отецъ. Начальникомъ штаба Скобелевъ официально не былъ, да по своему чину и не могъ быть. Передъ Систовскою переправою онъ отпросился у отца въ распоряженіе начальника 14-й пѣх. дивизіи Драгомирова, въ „ординарцы“ къ нему, какъ онъ шутя говорилъ самъ.

Послѣ удачной переправы Драгомировъ усиленно подчеркнул боевыя заслуги Скобелева какъ въ реляціи, такъ и въ устныхъ докладахъ Великому Князю и Государю. Это я слышалъ собственными ушами.

Благодаря этому, Государь положилъ гнѣвъ на милость: опала съ Скобелева была снята, путь къ заслуженному возвышенію открытъ.

Не могу также оставить безъ опроверженія слѣдующее мѣсто воспоминаній А. Н. Витмера:

„Скобелевъ, однако, какъ человекъ умный и ловкій, успѣлъ завоевать и Казиміра: когда Государь, послѣ сдачи Плевны, пожаловалъ Левицкому георгіевскій крестъ, Скобелевъ снялъ свой, обмѣнялся крестами съ недавнимъ врагомъ и вскорѣ они перешли на ты“.

Я, прожившій съ Левицкимъ въ одной палаткѣ всю кампанію, положительно удостовѣряю, что между нимъ и Скобелевымъ не только не было никакой вражды, но существовали самыя дружес-

¹⁾ Графиня Адлербергъ и мать Скобелева—были родныя сестры.

любныя отношенія. За все время Плевненскаго сидѣнья, Скобелевъ, въ каждый свой прїѣздъ въ главную квартиру, всегда заходилъ къ намъ и подолгу у насъ сидѣлъ. Обмѣнъ крестами былъ со стороны Скобелева тонкимъ знакомъ сочувствія и дорогого для Левицкаго вниманія. Скобелевъ въ Левицкомъ не нуждался: вліяніе послѣдняго на дѣла, послѣ августовскихъ Плевненскихъ дней, свелось почти къ нулю.

М. Газенкампфъ.

